

Анвар
Исмагилов

**ЛЮДИ
БЫЛОЙ ИМПЕРИИ**

Анвар Айдарович Исмагилов
Люди былой империи (сборник)
Серия «Жизнь и судьба (Горизонт)»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11959508
Люди былой империи: Горизонт; Москва; 2015
ISBN 978-5-9907045-9-6

Аннотация

Нашим детям и внукам уже трудно понять, почему в те времена мы поступали так, а не иначе, и почему для нас всё ещё важно то, что давно потеряло значение для них. Наши страхи и радости, несбывшиеся надежды и сотворённый нами мир – уж какой получился – всё в этой книге. Оглянитесь вокруг! – вот о чём говорит каждая её строка. – Научитесь видеть тех, кто рядом с вами! Не всякий хочет и умеет рассказывать о себе. А ведь нет в жизни ничего важнее, чем любить живых и помнить ушедших! Этим драгоценным даром: любить и помнить – в полной мере наделён Анвар Исмагилов, неутомимый исследователь жизни, идущий сквозь неё без страховки.

Содержание

Черноморский флот. Стихи-прелюдия	5
От автора	9
От войны к миру и обратно	18
Сто лет комбригу Гончарову	21
Донузлав, или Музыкальная бербаз	56
Предисловие I	57
Предисловие II	64
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Анвар Исмагилов

Люди былой империи

Нашим детям и внукам уже трудно понять, почему в те времена мы поступали так, а не иначе, и почему для нас всё ещё важно то, что давно потеряло значение для них. Наши страхи и радости, несбывшиеся надежды и сотворённый нами мир – уж какой получился – всё в этой книге. Оглянитесь вокруг! – вот о чём говорит каждая её строка. – Научитесь видеть тех, кто рядом с вами! Не всякий хочет и умеет рассказывать о себе. А ведь нет в жизни ничего важнее, чем любить живых и помнить ушедших! Этим драгоценным даром: любить и помнить – в полной мере наделён Анвар Исмагилов, неутомимый исследователь жизни, идущий сквозь неё без страховки, не разучившийся по-детски удивляться, смеяться, плакать и ценить каждую секунду быстротекущей эпохи.

Автор выражает глубокую благодарность своим однокашникам и другим выпускникам Киевского высшего военно-морского политического училища (КВВМПУ), которые финансово поддержали издание этой книги.

Черноморский флот. Стихи-прелюдия

Что думал я, двадцатилетний мальчик,
По палубам прогарами ступая,
В угрюмой башне главного калибра,
В песчано-пляжной ссыльной тишине?
Мне мир твердил: литература – дура,
Штык молодец, а партия прекрасна,
А мы любили девушек и сласти,
Не признаваясь в этом никому!
А я любил смотреть в глаза восходу,
И провожать пустынные закаты,
Пылавшие торжественною гаммой
Над амальгамой моря.

Так прошло

Двенадцать лун неласковых. Ко мне
Слетались письма братьев и подружек,
По вечерам цыган Гарсиа Лорка
Рассказывал дремучие легенды,
А Саша-доктор поливал цветы,
Пыхтя неутомимой сигареткой.
«Свобода» нам своё твердила тайно,
И Мастер уходил в прохладный путь,
А мы всё не могли наговориться
Ни о любви, ни о священном даре.

Всё это было Черноморский флот.

Свистел буксир, качался толстый тральщик,
Грустил противолодочный корабль,
Привязанный кормой к причальной стенке,
И рвался в море сквозь глухие льды!
А я стрелял ворон из пулемёта,
На удочку ловил голодных чаек, —
Не зная, что накликаю беду, —
Ходил по бонам, аки по земле,
Ворочал цепи, бакены и вехи
И было далеко «до рідной хати,
Як до того Кітая». Плыл туман
По северным берегам златой Тавриды,
Портвейн одноимённый обжигал
Нам молодые розовые глотки
(терпеть мы не могли дешёвой водки!).
Отряды уходили в Бангладеш,
Анголу, Югославию, а дома
Гремели якорями и оркестрами.

Всё это было Черноморский флот.

Крутило катаклизмами планету,
Два мира бились в лоб, рога в рога,
Бродили грозно атомные лодки
С гостинцами от их стола к другому.
Бомбардировщики рычали в облаках,

Суля любому в дом по Хиросиме.
И в небе таял лёд на керосине.

А в городе Ростове-на-Дону
Грустили одинокие солдатки,
Плясали в кабаках винтом матроски,
Студентки демонстрировали верность
На демонстрациях с плакатами в руках,

И дома первомайское житье:
Газеты утром, на ночь телевизор,
Кефирно-бубличный строительный обед,
Позорные пайки от профсоюза,
Истошный коммунальный хор соседок,
Повально изнывающих от крови
И жаждущих грузинистых партнёров,
Конечно же, с сортиром постоянным, —
Но скучно спящих с мужем полупьяным.
И это было русское житье!

Прошло сто лет.
Нет, двести или триста,
И я пришёл, вернулся, возвратился,
Без трёх зубов и с дыркой в голове,
Усталый от тревог, стрельбы, и мата.
В прохладных сумерках кап-лей военкомата
Спросил: какие планы на житье?
Я растерялся – жить, учиться, деток

Растить, когда появятся они
В положенные по природе дни.
Кап-лей вздохнул – у нас есть разнарядка,
Нет-нет, я просто так, ради порядка
На мичманов учиться, а потом...

И я ответил – суп с котом! Вот хрен вам,
Я жить хочу, чтоб, как сказал поэт,
Страдать и мыслить ну хоть тридцать лет.
А ваших сказок о судьбе державы
Наслушался!
Меня здесь больше нет,

Я выжил, вышел в дверь, в расход, в бутылку,
На волю, в космос, в серебро астрала,
Пока мне крылья льдом не оборвало!

От гор и моря длится мой полёт.
Но где он, гордый Черноморский флот?..

От автора

Путешествие по глобусу России – главный источник вдохновения для человека, здесь живущего. Придумали же во Львове нарисовать глобус города и даже начали его делать, да по богемной привычке быстро остыли и забросили проект. Так то – всего лишь город Львов, – при всем уважении к его древности и многоязычию. А я иду по глобусу России, моей святой и грешной земле, где ужасающие преступления перемешаны с величайшими подвигами духа, где сама природа будто прячется от тебя, чтобы вынырнуть где-нибудь из-за поворота невероятными осенними красками или весенней надеждой на новую жизнь.

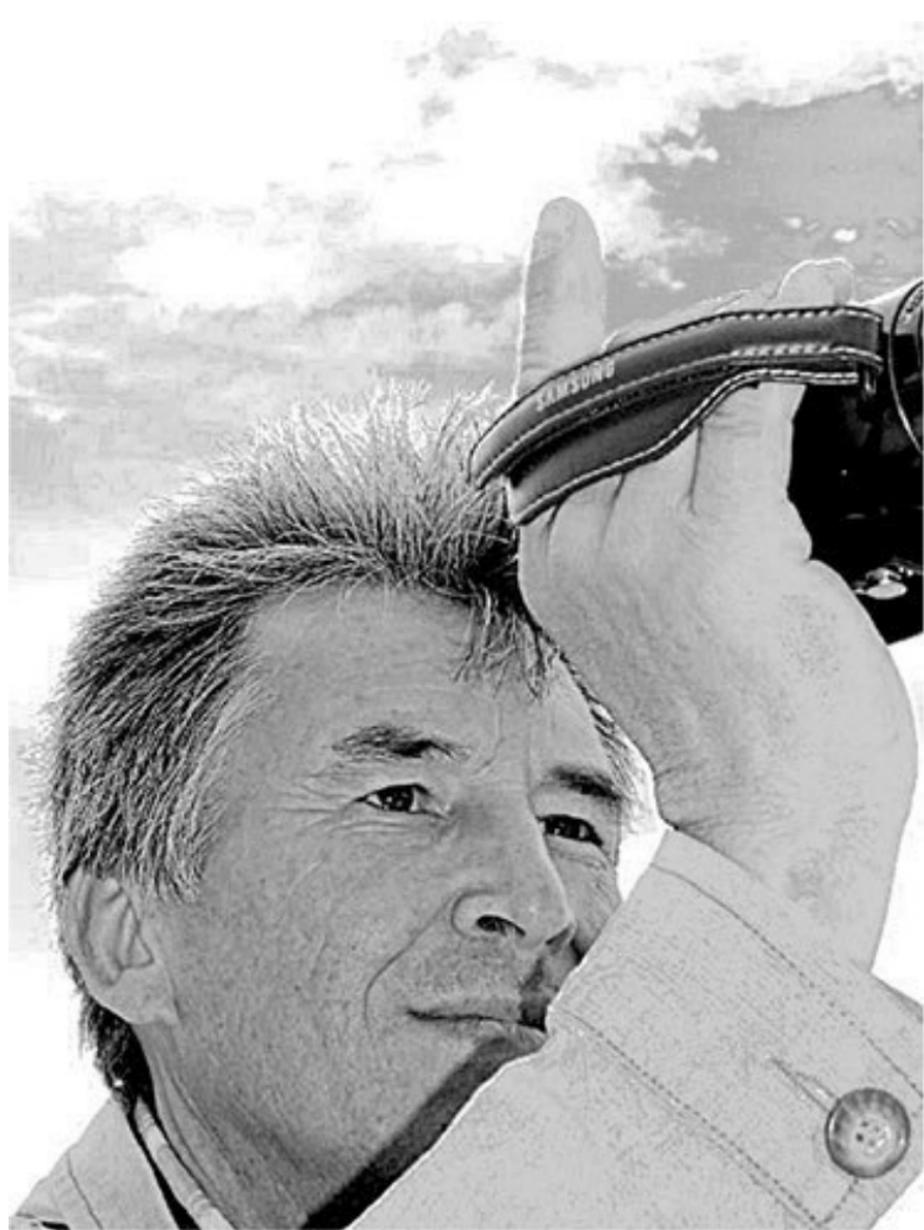

Фото Е. Николаевой.

А вот и люди на пригорке! Старый альбом. То, что видел и сделал за свою жизнь даже один человек, не вместится в тяжёлые энциклопедические тома, в фотоплёнки, в электронные носители и в звуки записей диковинной речи и необъятной музыки, видеоряды старой хроники и семейные съёмки по принципу: вот мама с тобой на руках, тебе полгода, а это в сорок третьем, в эвакуации, голод был, но лучше, чем в Питере, и соседи подкармливали; а вот папа на третьем курсе, на практике, на Северном флоте, а вот папина лодка перед последним походом (вздых и насморочные звуки в сторону), в Североморске, а это дядя Лёва прыгает с парашютом на учениях перед Афганистаном, его потом контузило; а вот мы только что взяли дачу, строим наш домик, приехал помогать дедушка, у него руки не было, оторвало на войне, но он управляется и одной, тешет бревна...

Ах ты, мать Расея!!! Твою мать!!!

Перед тобой калейдоскопом рассыпаются и расстилаются летние травы, цветы и деревья, мокрые осенние просторы, зовущие идти всё дальше и дальше, заснеженные долины и овраги с цепочками тёмных следов неведомых путников, стрельчатые листья и золотые восклицания весеннего горюцвета, голые простуженные ветки кустарников с чёрными пупырышками ещё робких первых почек, запах льда и мокрой земли...

Бессонные вагоны, пропахшие ресторанными шедеврами, домашней курицей и свежими огурцами, железистый привкус воды для чая из титана, вопли энергичных, как электро-веники, детей, облитые потом мощные тела твоих соседей по купе, варёная картошка с жареным луком и пухлые домашние пирожки с кошатиной на бесконечных, как китайская пытка водой, остановках и стоянках, пьяные базары и драки, и разговоры, разговоры, разговоры...

А ты всё едешь, летишь и плывёшь по необозримым просторам Руси.

Целлулоидный блеск и металлический уют интерьеров аэровокзалов и аэропортов, бессонные голоса дикторов-небожителей с вездесущими звуками их странной речи с придыханиями и подвываниями, механический запах пищевого буфетного конвейера, разувание и раздевание перед возделенными воротами магнитоскопа, дрожь в коленках перед взлётом и посадкой, толпы тёмных личностей, автоблагодетелей – «машинка нужна?» – с лицами из картотеки Шерлока Холмса...

Из окна десантного самолёта с пограничниками, упрямо ползущего от Кургана в сторону Ямала, видны степи, плавно переходящие в заснеженную подтайгу, редкие посёлки, деревни и села, хмуро стоящие на древних реках, ещё более редкие города, освещённые ярким не по-северному солнцем, и вспоминаешь, что в Тюмени инсоляция выше, чем в городе Сочи, прилепившемся к горным склонам. Могучая тайга

сменяется гран-Финляндией: колки, озера, озёра, ослепляющие светом глаза, как нахальный мальчишка – отражателем домашнего зеркала.

Громадные разливы Иртыша, Малой и Большой Оби, мелководные соры, набитые ценнейшей, лучшей для меня рыбой в мире: шустрый сырок, вальяжный щёкур, младший брат благороднейшего МУКСУНА, покрытого драгоценным серебром чешуи – кто пробовал муксуна хотя бы раз, тот не забудет никогда! И, наконец, могучая, в расцвете сил похожая на мини-торпеду белорыбица-нельма, истекающая прозрачным, как горная вода, жиром! И редчайшая сосвинская селёдка, маленькая, получившая родовое название от реки Северная Сосьва с ледяной хрустальной водой. О всякой прочей рыбе: громадных щуках, горбатых карпах, жирнющих вездесущих карасях-лопатах и других сопутствующих товарах говорить не буду: для меня они проходные, на чёрный день.

Фото Е. Николаевой.

Историческая родина, громадная блатная столица Северного Кавказа, Ростов-на-Дону. Еду в Грозный, вновь поражаюсь расстояниям, отмотанным за трое суток душной и потной дороги. Хрустально-сине-белый вокзал, мешанина стилей и течений архитектуры. При попытке найти путь на-

верх, чтобы дать телеграмму в Чечню, натыкаюсь на строгую дверь, над которой надпись «ЛИФТ», а чуть ниже, подбежав обрадовано, – табличку «Лифт не работает».

М-да-а-а... «Россия – страна, где нельзя верить надписям на дверях», – вспомнил я старинную истину из записных книжек какого-то писателя. Добавлю – а верить можно своим глазам, проверяя истину практикой. Перед вами, дорогой читатель – книга не стороннего наблюдателя, а исследователя пространства через путешествие. После похорон Гены Жукова, великого барда, и Миши Шелобнёва, друга из спецназа ВМФ, и ещё нескольких боевых друзей, я сам едва устоял на краю пропасти, и что-то подсказывает мне, что жить мне теперь надо в том числе и за них, ушедших и уходящих свидетелей прошлого, участников малых и больших событий, чьи молодость и зрелость прошли в непрерывной борьбе за выживание и окончились у кого гнилым забором, у кого особняком, а чаще всего – никак!

Снегоход на Ямале – царь и бог тундры! Люблю разные
КРАЯ ЗЕМЛИ!!!

Родина высосала из нас молодые соки, наградила тяжёлыми недугами, а под конец – железяками, годными в игрушки внукам, – и забыла! НО МЫ ещё ЖИВЫ!!!

Книга «Люди былой империи» – не отчёт о проделанной работе, не просто сборник размышлений автора на основе боевого и житейского опыта людей нашей небывалой империи. Это признание того неоспоримого факта, что Российская империя, как бы её ни называли в прошлом, настоящем и будущем, – БЕЗВОЗВРАТНО УШЛА В ИСТОРИЮ и уже не повторится в том колоссальном, незыблемом и могучем

виде, в каком привыкли её созерцать, кто с восхищением, кто со страхом, целые поколения людей всей планеты...

Об этом и многом другом – эта книга.

Мы замшелые ветераны

Тех войн, о которых никто не знал!

Мастикой из нашей крови натирали

Паркетты высоких кремлёвских зал...

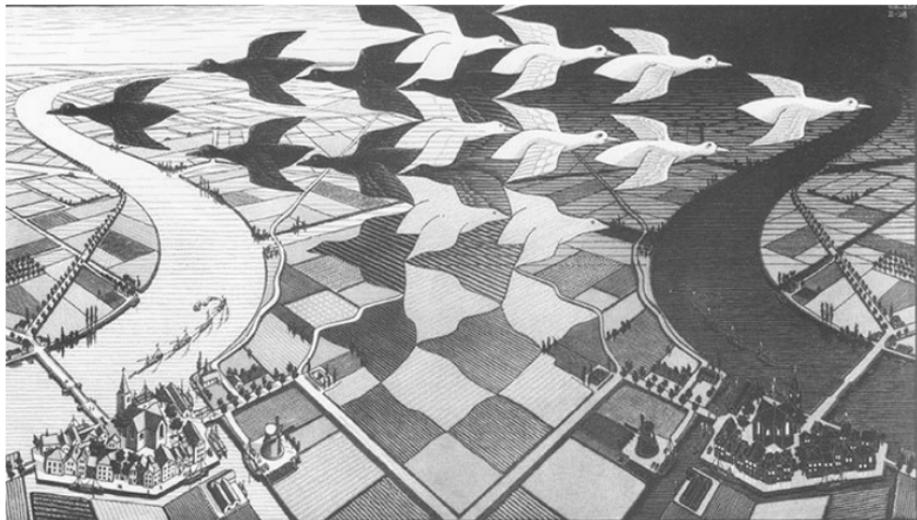
А когда вручали ордена и медали —

Нас не было в этом почётном строю,

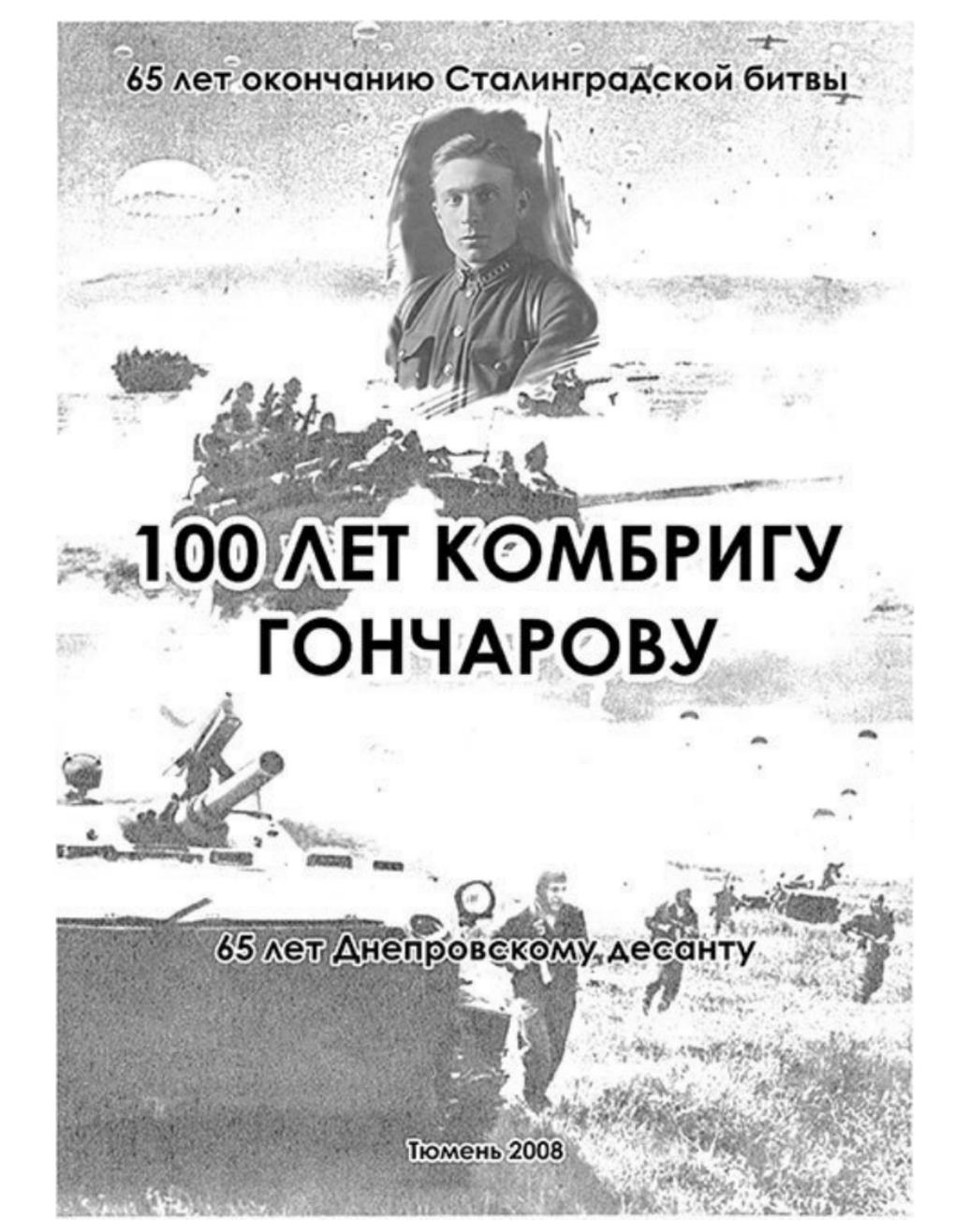
Я и сам иногда – до сих пор! – удивляюсь, —

Как живой на земле этой вечной стою?!

От войны к миру и обратно

М. Эшер. День и ночь, 1938.

65 лет окончанию Сталинградской битвы

100 ЛЕТ КОМБРИГУ ГОНЧАРОВУ

65 лет Днепровскому десанту

Тюмень 2008

Брошюра для музея 3-й бригады ВДВ во Фрязино (текст
и вёрстка – Анвар Исмагилов)

Сто лет комбригу Гончарову

В этом году исполняется 65 лет со дня окончания Сталинградской битвы (написано в 2008 году – А. И.), столько же – героическому и трагическому Днепровоскому десанту, и 100 лет со дня рождения командира 3-й гвардейской бригады ВДВ, гвардии полковника Василия Константиновича Гончарова, одного из тех, кто стоял у самых истоков элитного рода Вооружённых Сил.

Пришла в гости тётка жены, Варвара Васильевна, принесла документы, фотографии и попросила написать для музея 3-й бригады ВДВ во Фрязино что-то вроде брошюры. Каждый год, пока были силы, старики-десантники собирались, пересчитывая живых участников тех далёких и трагических, на уровне древнегреческого мифа, событий. Выполню просьбу.

Он родился 24 апреля 1908 года в селе Кондрашовка Семилукского района Воронежской области. Пережил неурожаи, голод, смерть отца в 1920 году. А в семье было *восемь* детей! Мать Василия, Татьяна Федосеевна, отдала в детский дом двух сыновей: старшего, Захара, 14 лет и Василия, 12 лет. Братья взвалили на свои детские плечи труды и заботы о хозяйстве детдома – кололи дрова, топили печи. Во время

эпидемии тифа детский дом эвакуировали, а Василия оставили, решив, что он «не жилец». Но его выходил сторож детдома, благодаря которому подросток выжил.

Оставшись без родителей, Василий не терял надежды на встречу с родными, и она состоялась: в 1937 году нашлись мать, братья и сестры. А он окончил в 1928 году торгово-контторскую школу и работал инспектором книготорга по Воронежской области (кто бы мог подумать, что этот книжник станет командиром элитной бригады ВДВ Резерва Ставки Верховного Главнокомандования!).

Едва женившись в 1930 году на Шуре (Александре Николаевне) Клочковой, Василий тут же был призван в Красную армию. Так началась его военная карьера. В Ленинкане он окончил школу младших командиров при Кавказском горно-стрелковом полке и был направлен в Пензенский стрелковый полк командиром стрелкового взвода, а в 1936 году уже стал помощником начальника штаба полка. В Пензе родилась старшая дочь – Варвара. В этом же году В. К. Гончаров был переведён в Дальневосточный военный округ на станцию Завитая Алтайского края (ныне город Завитинск), начальником разведывательного отделения во 2-й авиадесантный полк Особой Краснознамённой Дальневосточной армии. Он служил у будущего командующего ВДВ Ивана Ивановича Затевахина.

Учения. Высадка десанта в 1930 году.

За несколько лет до этого, 11 декабря 1932 года, Реввоенсовет СССР принял постановление о развёртывании авиадесантного отряда Ленинградского военного округа в бригаду, которая стала базой обучения инструкторов воздушно-десантной подготовки и отработки оперативно-тактических норм. К марту следующего года наметили формирование по одному авиадесантному отряду в Белорусском, Украинском, Московском и Приволжском военных округах. Так будущий комбриг оказался на острие военной реформы, в элите Вооружённых Сил СССР.

На Дальнем Востоке было создано три полка: 1-й (командир М. И. Денисенко), уже упомянутый 2-й и 5-й (командир Н. Е. Тарасов). В 1938 году родилась вторая дочь, Валентина. В этом же году из авиадесантных частей были сформированы шесть воздушно-десантных бригад. Командиром 212-й бригады был назначен майор И. И. Затевахин, принявший боевое крещение в 1939 году в боях у реки Халхин-Гол против японских милитаристов. 212-я была переброшена с Дальнего Востока, и к 18 августа сосредоточена у города Хамар-Даба. Уже 20 августа подразделения двух мотобригад и 212-й ВДБ после длительного марш-броска на север разгромили базу японских войск у озера Узур-Нур и завязали бои за высоту Фуи, мощный узел обороны. Японцев пришлось выбивать гранатами и штыками из каждой щели.

Бои на реке Халхин-Гол привели к полному разгрому японских войск и отказу от открытия второго фронта против СССР. В ответ на настойчивые требования вступления Японии в войну немцы однажды услышали мудрое замечание: «Начальное военное образование мы получили на Хасане, среднее – на Халхин-Голе. Высшее военное мы получать не хотим!». За мужество и героизм 352 десантника были награждены орденами и медалями. Василий Гончаров, уже 11 октября 1939 года получивший свой первый боевой орден («Красную Звезду») и орден Монгольской Народной Республики, быстро продвигался вверх по служебной лестнице, став начальником оперативного отделения бригады. Воины

бригады даже получили право написать письмо ЦК ВКП(б).

В 1941 году на базе воздушно-десантных бригад были развёрнуты пять воздушно-десантных корпусов. 212-я бригада вошла в состав 3-го воздушно-десантного корпуса генерала В. А. Глазунова и стала одной из лучших. К началу Великой Отечественной войны 212-я была переведена в Одесский военный округ, в Вознесенск. Здесь воздушно-десантные войска первыми приняли на себя удар противника.

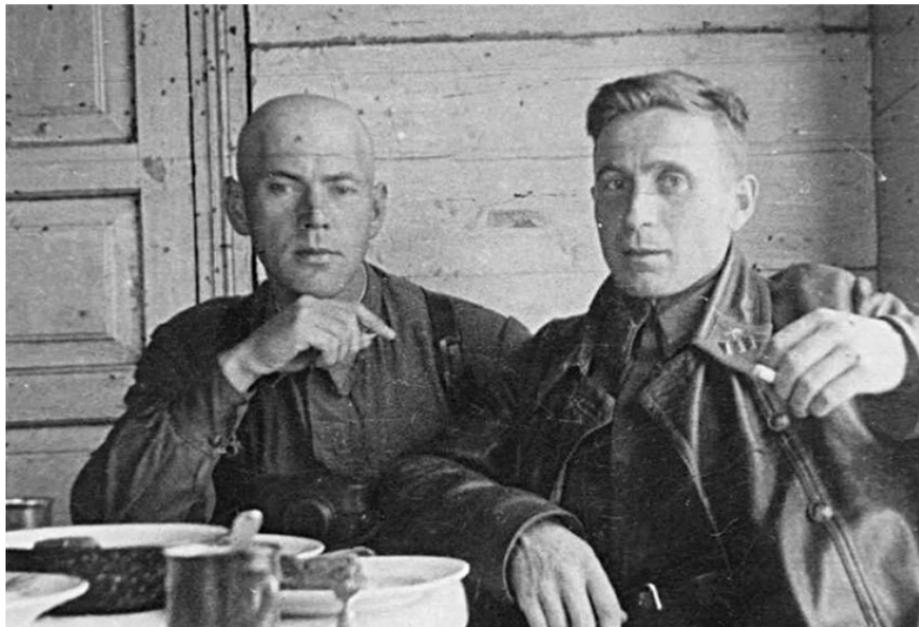
И. И. Затевахин.

А. И. Родимцев.

В первые дни войны полковник И. И. Затевахин со своей бригадой отличился на Юго-Западном фронте, при обороне

Киева. Десантники 212-й бригады вели ожесточённые бои с противником севернее Киева, в районе города Остер, и сорвали все попытки врага перейти реку Десну, а позже удерживали переправы через реку Сейм, стойко сражались на котопском и черниговском направлениях. Звания Героя Советского Союза был удостоен стрелок 212-й ВДБ Н. Обухов, вместе с тремя товарищами захвативший документы и знамя (!) 16-й немецкой моторизованной дивизии. Вместе с ними воевала 5-я бригада, командиром которой был легендарный полковник А. И. Родимцев. Попав в окружение, десантники выходили из него с боями. 3-й ВДК в ноябре 1941 года был преобразован в 87-ю стрелковую дивизию под командованием Александра Ильича Родимцева. 19 января 1942 года по приказу Верховного Главнокомандования дивизия получила наименование 13-й гвардейской стрелковой с вручением гвардейского Знамени.

В Сталинграде, 1942 г.

В ноябре 1941 года В. К. Гончаров был награждён орденом Боевого Красного Знамени.

А с августа по ноябрь 1942 года он попал в кровавую мясорубку Сталинградского фронта, оборонял Сталинград в составе 13-й гвардейской дивизии своего командира генерала Родимцева до последних дней Сталинградской битвы! В эти тяжёлые дни он писал с фронта жене Шуре: «Бои идут жестокие, мы готовы погибнуть, но врага не пропустим. Если что со мной случится, жизнь устраивай по-своему, береги дочек».

За эти бои он получил орден Красной Звезды, медаль «За боевые заслуги» и самую ценную для него награду – медаль «За оборону Сталинграда».

В конце 1942 года молодой, обстрелянный, полный боевого опыта двух войн, энергичный и перспективный офицер был направлен в Москву, на учёбу в Высшую Военную академию им. К. Е. Ворошилова (так в документах. – А.И.). По окончании учёбы он получил звание полковника и назначение командиром 3-й гвардейской воздушно-десантной бригады в город Фрязино, где началась подготовка к «героическому и трагическому», как его называли впоследствии, Днепровскому десанту.

25 октября 1942, г. Сталинград.

С женой Шурой в отпуске, 1942 год.

Три воздушно-десантных бригады: 1-я, 3-я и 5-я общей численностью свыше 10 000 человек должны были высадиться в предполье Букринского плацдарма на правом берегу Днепра. Из-за ошибок, просчётов и даже нарушения лётчиками выданных лётных заданий десант был выброшен с разбросом от 30 до 100 километров, прямо под огонь срочно переброшенных сюда нескольких пехотных дивизий и танковых корпусов противника!

Эта трагическая история нашла отражение в знаменитой песне барда Михаила Анчарова «Баллада о парашютах»:

Парашюты рванулись и приняли вес,
Земля колыхнулась едва,
А внизу дивизии «Эдельвейс»
И «Мёртвая голова».

В. К. Гончаров, командир 3-й ГВДБ, начальник штаба 103

гв. сд. в 1944-45 гг.

Автоматы выли, как суки в мороз,
Пистолеты били в упор,
И мёртвое солнце на стропях берёз
Мешало вести разговор...

Но немцы потеряли четыре важных дня в сражениях с десантниками, сумевшими не только вступить в бои, но и найти своих товарищей, и соединиться с местными партизанами.

За это время на Букринский плацдарм успели переправиться не только все части 9-го мехкорпуса, но и части 40-й армии! За каждого десантника немцами в октябре была назначена цена в 6 тысяч оккупационных марок, о чем оповещали сбрасываемые с самолётов листовки!

В. К. Гончаров был ранен дважды: легко в сентябре 1941 года и тяжело – в октябре 1943-го, во время высадки Днепровского десанта. В 1944 году Василий Константинович стал начальником штаба 103-й гвардейской стрелковой дивизии, дислоцированной в Белоруссии, в городе Быхове Могилёвской области. Он воевал на 2-м и 3-м Украинском фронтах, освобождал Венгрию, Чехословакию, а закончил войну в мае 1945 года в Праге. Последняя должность начальник штаба 24-й Отдельной гвардейской воздушно-десантной бригады в городе Тейкове Ивановской области.

После полной демобилизации он с семьёй переехал в Тю-

мень, был секретарём парткома завода «Строймаш», заведующим промышленно-транспортным отделом ГК КПСС, председателем Сталинского райисполкома. Кстати, в партию он вступил ещё в 1939 году, перед началом военных действий на Халхин-Голе.

В мае 1958 года его не стало...

Днепровский десант

(24 сентября – 28 ноября 1943 года)

Из истории советских ВДВ: «В ночь на 25 сентября 1943 года с прифронтовых аэродромов поднялись транс-

В Центральном архиве Министерства обороны СССР сохранился план Днепровской воздушно-десантной операции, разработанный штабом ВДВ. Вот несколько выдержек из него: воздушный десант после приземления захватывает рубежи Липовый бор – Македоны-Степанцы с задачей не допустить прорыва противника к западному берегу Днепра на участке Канев – Трактомиров. протяжённость фронта обороны десанта 30 км, глубина 15–20 км.

Продолжительность самостоятельных боевых действий в тылу – 2–3 суток. Общая численность состава десанта – около 10 тысяч человек Выброска десанта возлагалась на авиацию дальнего действия. Исходный район для десантирования – аэродромы в районе Лебедин – Смородино – Богодухов, расположенные в 180–200 км от района выброски.

Вели их экипажи 101-го полка АДД, которыми командовала Герой Советского Союза полковник В. Гризодубова. Два часа спустя стартовали самолёты с парашютистами 5-й гвардейской воздушно-десантной бригады. За линию фронта было выброшено около 5 тысяч человек и 660 парашютных контейнеров с боеприпасами и питанием. Ни командир, ни рядовые бойцы не знали ещё, что в районы, намеченные для выброски, противник стянул сильные резервы в составе четырёх дивизий.

Наша фронтовая авиация не подавила фашистскую ПВО, и экипажи вынуждены были увеличивать установленную высоту и скорость полёта, теряли ориентировку. Это привело к

разбросу десанта почти на 90 км от Ржищева до Черкас.

Не могли они знать и того, что одним из первых будет подбит самолёт, в котором находилось управление 3-й бригады во главе с гвардии полковником П. И. Красовским. Десантирование войск было прекращено.

Днепровская воздушно-десантная операция была задумана с целью оказать содействие войскам Воронежского фронта в форсировании Днепра. Для проведения операции привлекались 1-я, 3-я и 5-я отдельные воздушно-десантные бригады, объединённые в воздушно-десантный корпус (командир – зам. командующего ВДВ генерал-майор И. И. Затевахин). Корпус насчитывал около 10 тысяч парашютистов. Для десантирования от авиации дальнего действия выделялось 180 самолётов Ли-2 и 35 планеров А-7 и Г-11. Непосредственно десантировались 3-я и 5-я гвардейские воздушно-десантные бригады. Всего в ночь на 25 сентября со всех аэродромов было произведено 298 самолётовылетов вместо 500 запланированных и выброшено 4575 парашютистов и 666 упаковок с боеприпасами.

Из-за неправильного распределения средств связи и радиостов по самолётам к утру 25 сентября никакой связи с выброшенным десантом не было. Связи не было и в последующие дни, вплоть до 6 октября. По этой причине дальнейшее десантирование пришлось прекратить, и оставшиеся невысаженными 1-я ВДБ и подразделения 5-й ВДБ были возвращены в постоянные районы базирования».

Высадка под огнём

Председатель совета ветеранов 3-й ВДБ Петр Николаевич Неживенко, полковник в отставке:

«В апреле 1943 года я был направлен в 3-ю гвардейскую воздушно-десантную бригаду, которая проходила формирование в г. Фрязино Московской области. Меня определили в 1-й парашютно-десантный батальон, в роту ПТР (противотанковых ружей) на должность командира расчёта – наводчиком ружья ПТР.

В июле 1943 года нашей бригаде было вручено боевое гвардейское знамя, а всему личному составу – нагрудные знаки «Гвардия». В честь этого события проводились военно-спортивные соревнования, в ходе которых я на штурмовой полосе занял первое место, и командир бригады гвардии полковник В. К. Гончаров распорядился назначить меня командиром отделения, а в последующем я стал помкомвзвода. С мая по сентябрь 1943 года личный состав бригады в упорной и напряжённой учёбе успешно освоил полный курс воздушно-десантной подготовки, и после инспекторской проверки в августе (проводилось десантирование всей бригады с выполнением учебно-боевых задач) был готов для ведения боевых действий в тылу врага. И такое время наступило. 21 сентября 1943 года по боевой тревоге мы уложили свои парашюты (только один главный, а запасной в тыл не брали) в мешки ПДММ (парашютно-десантный мягкий мешок), уло-

жили ружья ПТР, боеприпасы к ним, гранаты, толовые шашки, патроны к автоматам ППШ, ППС, и по зелёной улице нас эшелонам доставили на Лебединский полевой аэродром Сумской области.

Здесь в ночь на 25 сентября 1943 года 101-й гвардейский авиационный полк АДД под командованием Героя Советского Союза полковника Валентины Гризодубовой поднял нашу бригаду в воздух и взял курс в район Букринской излучины Днепра, в тыл врага. Эта операция проводилась по решению Ставки Верховного Главнокомандования в полосе Воронежского фронта. Нам ставилась задача – оказать помощь его войскам в захвате и удержании плацдарма на правом берегу Днепра в районе Великого Букрина и тем самым способствовать освобождению Киева. пришлось прыгать с 2000 метров и на большой скорости, что привело к тому, что наш десант был разбросан на 100 километров – от Ржищева до Черкасс, и в первые дни мы вынуждены были действовать небольшими группами по 20–40 человек».

Перед посадкой в самолёты. На первом плане – В. К. Гончаров.

Капитан Николай Сапожников летел в самолёте, в котором находился штаб бригады. На его груди под гимнастёркой было туго намотано гвардейское знамя. Над Днепром самолёт был повреждён зенитным огнём фашистов и стал неуправляем.

Н. И. Сапожников.

«Покинуть самолёт!» – приказал командир бригады...

В воздухе две пули прошли тело знаменосца...

Впоследствии капитан Сапожников был спасён местными жителями, знамя в цинковом ящике было закопано подростком Анатолием Гоненко и возвращено командованию. Сапожников был награждён орденом Отечественной войны I степени. После войны А. Гоненко также был удостоен высокой награды.

Спасение комбрига

Из рассказа сержанта С. Ф. Гуйды:

«Туман стал рассеиваться быстро, и все одновременно заметили мелькнувшую в кустарнике фигуру человека. По лесам ещё много бродило и одиночек-десантников, и групп десантных. И вот на маленькой уютной полянке видим группу людей. Не немцы, не полицаи. Форма наша... И вот кого я узнал первым – командира нашей третьей бригады гвардии полковника Гончарова Василия Константиновича. Возле него с винтовкой стоял человек. На всякий случай я дал команду: «Руки вверх!». Комбриг узнал меня, бросился ко мне, крикнул: «Отставить, сержант Гуйда!». Обнял, в глазах слезы, рука одна на перевязи-тряпке. Опустился на землю, попросил рассказать ему – что, где и как. Слушал внимательно полчаса. Наши охраняли всю полянку, там на траве лежа-

ла ещё наша обессилевшая медсестра... Силы её оставили, даже плакать не могла – только бормотала: «Слава Богу, наши». У всех в его группе оставалось по одному-два патрона. У девчонки к груди была привязана граната Ф–1, одна на всех на всякий случай.

Полковник попросил хоть чем-нибудь покормить его и спутников. У нас кое-что было – варёная кукуруза, свёкла сырая и по кусочку конины. Сестрёнке отдал я кусочек сахара, хранил его для раненых, что были в партизанском госпитале на Ирдынском болоте. А тут наскочил на нас полицай верхом... В двух мешках был хлеб свежий и сало, самогон в больших бутылках типа четверти и крынка мёда. Подкормили всех, себя не забыли, только мёд не трогали, даже медичка отказалась: раненым мёд – бальзам на их раны за страдания на болотах...

Потом с ребятами из комендантского взвода приводили полковника в порядок – подстригли, побрили, вручили комплект немецкого шёлкового белья. Он помылся в кустах в бочке (воду нагрели, нашли обмылок какой-то, вместо мочалки – мох с дерева) – полковник стал походить на нашего командира бригады весны и лета 1943 года... Однажды, когда каратели сильно прижали его группу в овраге, прикрывать отход всех вызвался Быков, солдат, Юрий по имени. Он из пулемётчиков, уралец, мужик храбрый и надёжный. Группа оторвалась и ушла уже далеко, а Юра отбивался из двух ППШ и «шмайссера». Потом гранаты гремели...

...Юрий Федорович Быков жив! Живёт в городе Ревда, под Свердловском. Я его видел на встрече ветеранов наших бригад в 1976 году в Свидовке, на Черкасчине».

Как это было

Кинорежиссёр, лауреат Ленинской премии, Г. Н. Чухрай:

«Здесь, во Фрязино, мы готовились к новым боям. Я был опытным бойцом с огневой выучкой под Харьковом и Сталинградом, младшим лейтенантом. Мы готовили новых десантников, учили их прыгать с парашютом, рукопашным схваткам. За отличную подготовку роты я был награждён золотыми часами командующего ВДВ.

Лейтенант Григорий Чухрай, 1945 г.

...События той ночи до сих пор у меня перед глазами. До этого мне порядком пришлось хлебнуть лиха: дважды ранен, воевал под Сталинградом, но такого – падать навстречу сверкающим трассам пуль, разрываю снарядов, сквозь пламя горящих в небе парашютов товарищей, висящих «фонарей» – ещё не испытывал.

Решили... в том числе и меня, послать через Днепр на связь. Три дня мы пролежали в засаде... И вот мы у своих. Там получили приказ вывести свой отряд через линию фронта. Так мы вернулись в Москву. Сходили сначала к Мавзолею. Это была живописная картина. Мы на Красной площади: кто в немецких брюках, кто в немецком мундире, кто ещё в чем-то. Я был награждён орденом Красной звезды, товарищи получили по ордену Славы и медали «За отвагу». Нам... вручили награды, прочитали выдержки из немецких документов: нас немцы насчитывали 250, а нас было около 30. Я был горд...».

Григорий Койфман, Иерусалим:

«...и одна страница в книге воспоминаний недавно ушедшего из жизни участника десанта, всемирно знаменитого кинорежиссёра Григория Наумовича Чухрая.

Даже в фундаментальном труде «ВДВ в годы ВМВ» все «острые углы», связанные с судьбой десанта, «изящно» сгла-

жены. Взял воспоминания лётчика из полка, проводившего высадку десанта, там один лейтмотив – «мы не виноваты»... Воздушных десантов в годы ВМВ было высажено нашими войсками не так уж и много, но даже неудача Вяземского десанта меркнет на фоне трагедии днепровских десантников».

Из интервью ветерана 3-й ВДБ Матвея Цодиковича Лихтермана Г. Койфману, исследователю десантных операций:

Вопрос: «Григорий Чухрай вспоминал, что утром над аэродромом, где десантники готовились к выброске, появился немецкий самолёт и сбросил листовки со следующим текстом: «К встрече десанта готовы! Прилетайте поскорее!»».

Ответ: Было такое. Нам сказали не поддаваться на провокации. Поймите, мы даже этим листовкам особого значения не придавали. Мы и так знали, что из этого десанта никто живым не вернётся... Знали... И были готовы умереть как один, но выполнить свой воинский долг... Мы десантники, этим сказано многое.

В небе послышался гул самолётов. И тут началось!!! Сотни трассирующих пуль шли вверх.

Стало светло как днем. Зенитки «ухают». Над нашими головами разыгралась страшная трагедия... Не знаю, где найти и подобрать слова, чтобы рассказать, как это было... Мы видели весь этот кошмар... Трассеры зажигательных пуль прошивали парашюты, а парашюты все из капрона и перкали, вспыхивали моментально. В небе сразу появились десятки

горящих факелов. Так погибали, не успев принять бой на земле, так сгорали в небе наши товарищи... Мы видели всё: как падали два подбитых «дугласа», из которых ещё не успели прыгнуть бойцы. Ребята сыпались из самолётов и падали камнем вниз, не имея возможности раскрыть парашют. В двухстах метрах от нас врезался в землю ЛИ-2. Мы бросились к самолёту, но там живых не было. К нам прибилося в эту страшную ночь ещё несколько чудом уцелевших десантников. Всё пространство вокруг нас было в белых пятнах парашютов. И трупы, трупы, трупы: убитые, сгоревшие, разбившиеся десантники... А через час началась тотальная облава. В облаве на нас участвовали немцы с танками и самоходками. Далее: «власовцы», местные полицаи и солдаты Туркестанского легиона. Я это знаю точно, мы же видели, кого мы убиваем и кто убивает нас...

...выброска была произведена в районе, куда только что прибыли три свежие немецкие дивизии из тыла. Немцы описывают в своих воспоминаниях, как десантники падали с неба в раскрытые люки немецких танков».

Матвей Цодикович Лихтерман, 1943 г.

Председатель Совета ветеранов 3-й ВДБ Петр Николаевич Неживенко, полковник в отставке.

«...На протяжении многих лет я возглавляю совет ветеранов 3-й гвардейской воздушно-десантной бригады. Наш музей боевой славы в СШ № 1 г. Фрязино, где бригада в 1943 году формировалась, – лучший в Московской области. Высокую оценку его работе дал губернатор Московской области Б. В. Громов».

Донузлав, или Музыкальная бербаза

От автора: повествование «Донузлав» – не автобиография и отнюдь не трагическое эссе на тему раздела Черноморского флота, аренды Севастополя и невозвратной потери Крыма. Я постарался вспомнить некоторые эпизоды – и смешные, и печальные – из тяжёлой и во многом бессмысленной военной службы, последствия которой не дают мне покоя до сих пор. Капитан третьего ранга Фёдоров, выдавая мне новый военный билет, долго вертел в руках учётную карточку и только головой качал: да, парень, досталось тебе за четыре года! Как ни странно, мои предсказания на тему: «Уничтожение партполитаппарата Вооружённых Сил СССР и круизные рейсы на артиллерийских крейсерах по Средиземному морю» оказались пророческими. С недавнего времени украинцы, продав на металлолом несколько недостроенных кораблей ЧФ, используют некоторые из оставшихся для «челночных» рейсов! В Прибалтике, по слухам, корабли на воздушной подушке превратили в средства паромной переправы. Об империи уже не говорю: она развалилась так стремительно, что никто и охнуть не успел. Вот тут-то и оказалось, что тонны пролитой крови и десятки тысяч потерянного личного состава были бессмысленным жертвоприношением – сродни языческим!

Грустно жить на свете, господа!

Посёлок Ново-Озёрный (на современных картах – Ново-озёрное) с высоты птичьего полёта.

Фото: <http://novoozernoe.net>.

Всем, кто хлебнул горько-сладкого ветра приморской степи.

Предисловие I

*Не хочешь зла – не делай добра!
(Древние китайцы)*

Пояснения:

Донузлав – солёное озеро в Крыму, соединённое кана-

лом с Чёрным морем. Когда-то – секретная военно-морская база Черноморского флота. Гиблое место. В переводе с татарского – «свиное озеро». При любви к свинине со стороны мусульман можно себе представить, как выглядят окрестности озера. Зимой до минус тридцати пяти при ветре тридцать метров.

Севастополь – город в Крыму. Без комментариев.

Крым – место действия повести. Говорят, там жили греки. Кто теперь – даже не могу предположить. На Юге Крыма тепло. Вино вкусное.

Черноморский флот, он же «королевский», он же «апельсиновый» – организация людей и кораблей, подвижная структура, позволявшая из Москвы и Севастополя управлять делами в Луанде, Читтагонге, Камрани и других интересных местах планеты.

Все имена, события, факты, географические названия и даты вымышлены или уже не существуют. Скажем, вчера вас видели в Нью-Йорке, а сегодня в Кунгуре Пермской области. Если вы премьер-министр – возможно, хотя маловероятно. Тем более, что завтра вы не премьер, а подследственный. Я пишу не о том, как было, не о том, где находился подлинный герой, не обличаю зло, похваливая добродетель. Я пишу жизнь такой, какой она мне нравится! Понятно?

Совпадения случайны и неизбежны. Автор заранее просит прощения у тех, кто попал в повесть без их ведома, по воле литературного рока.

Донузлав. Выходной канал. Едим крабов. Справа – Анвар Исмагилов.

Донузлава больше нет. Севастополь – город украинских моряков. Черноморский флот – в дыму дележа и грабежа. Союза нет, и слава Богу, – меньше хлопот, – но почему-то больше войн и безобразия.

Американцы задают вопрос Косыгину на переговорах по «детанту»:

– Сэр премьер, почему вы не разрешаете своим гражданам ношение оружия?

Хмурый сэр скосил на них тёмные глаза и мудро ответил:

– Вы что, с ума сошли?! Они же друг друга перестреляют!

Что и видим...

Абхазии больше нет... Нет моей волшебной родины с бархатным небом и алмазными звёздами, ослепительным солнцем гудаутских пляжей и зацветающими по весне заборами из прутьев акации, знаменитыми сухумскими кофейнями и бессмертным лыхнинским дубом, ново-афонским чудо-монастырём, поставленным на месте гибели Симона Зилота, того самого, на чьей свадьбе Спаситель наш претворял воду в вино...

При штурме Сухуми отличился экипаж баркаса главстаршины Пупкина, под перекрёстным пулемётным огнём вывоживший беженцев... Подумать страшно – при штурме Сухуми! На наш гудаутский аэродром заходил в боевом развороте истребитель капитана, допустим, Гогия, и в прямом эфире звучали мерзейшие слова:

– Вы, русские, продались абхазским собакам...

Можно подумать, что это абхазы высадились в Гаграх, дотла разорили Сухумский обезьяний питомник и угнали «Волги» из таксопарка! И знал ведь этот Гогия, что униженные российские лётчики не поднимут самолёты и не срежут наглеца ракетой!

Я не называю фамилий: подлецы и герои на войне примерно в равных условиях, только ведут себя по-разному.

Говорят, все империи рано или поздно гибнут в огне новых времён и народов. Однако у нас даже развал самой крупной за историю мира автократии произошёл «через клиз-

му» – так Саша Брунько, гениальный поэт, назвал стихи об антиалкогольной истерии восьмидесятых, за что и был тогда же посажен на год! Мы долго запрягали, но когда поехали – у коня оторвался зад и попёр сам по себе, дышло въехало в кучера и сбросило его с облучка, а мы, бедные Чичиковы, кинулись из брички врассыпную – кто в бандиты, кто в банкиры, кто в бомжи, с жадным блеском в очах и кличем «грабь награбленное, дели неделимое, пока другая власть не пришла!».

Мне ли пенять на судьбу, отшельнику и бродяге с многолетним стажем, подзаборному жителю пяти морей и океанов: сижу себе за клавиатурой рабочей станции, поглядываю в монитор, слушаю компакт-диск с нежными птичками и водопадами, а на улице рабочий день, июль, пух тополиный летает... Вот вернётся Олег из «Сибнефтепровода», и поедem рассматривать чертежи объёмных букв на крыше СУПЛА-Ва. А там и второй принтер поменяем, хватит мне на семистах двадцати точках сидеть, желаю тыщу четыреста сорок, и на фотобумаге!

Малый противолодочный корабль проекта 1124-М – МПК-89.

МПК проекта 1124 («Альбатрос», кодовое обозначение НАТО – Grisha class corvette) строились в 1970-80-е годы для ВМФ СССР в составе двух основных серий (проекты 1124 и 1124М).

Водоизмещение (полное) – 960 т; длина – 71,2 м; ширина – 10,17 м; осадка 3,6 м. Скорость полного хода – 36,1 узлов. Дальность плавания: 4000 миль при 10 узлах, 2700 миль при 14 узлах, 950 миль при 27 узлах. Автономность плавания –

10 суток. Экипаж – 86 человек.

Вооружение: 2×2 57 мм АК-725 (2200 выстрелов) – СУ МР-103 «Барс»; 2×2 533 мм ДТА-53-1124 (4 торпеды ТЭСТ-71, СЭТ-65, СЭТ-53, СЭТ-53М) – ПУТС «Дракон»; 2×12 РБУ-6000 «Смерч-2» (96 РГБ-60) – ПУСБ «Буря»; 2 бомбосбрасывателя (12 ГБ ББ-1 или БПС, пр. 1124П – 16 ГБ ББ-1); 18 мин.

Один из донузлавских МПК однажды вернулся из района боевых действий, особо в те годы не афишируемых: 64 пробоины с двух бортов! Но дошёл своим ходом.

Я не о себе: всё нормально, есть семья, работа, дом, свободное время для писательства... Я о прошлом. Оно исказилось, вывернулось в ленту Мёбиуса, и не понять, где начало, а где конец наших бед и поражений. Я о молодости, отданной мифическим военным целям империи, о тысячах погибших и списанных втихаря, безо всяких Афганистана и Чечни, в эпоху великого застоя в крови трёхсотмиллионного народа. Сколько раз мы по три раза передёргивали затворы АКМов – «одиночными, залпом, огонь!» – над свежей могилой, отдавая последние почести гражданам страны, которая даже шёпотом запрещала говорить о настоящих причинах и обстоятельствах гибели призванных на военную службу в мирное время!

Вы догадались, что предисловия и не было? Это уже До-

нузлав, савмэсэз, ипташляр!¹

– Привіт!

– Агой!²

Предисловие II

*Заслушали, постановили,
закрыли солнышко в плафон...
И влажной тряпкой звезды смыли,
оставив только чёрный фон.*

*(Из стихов замполита БЧ-5 крейсера «Суворов» Юрия
Правикова. Владивосток, 1977 г.)*

Слушайте, діти, я розкажу вам велику казку про велику бійку тай про те, як не треба втопати у морі!³

Слухай, Кір Гущинський, а також Олекса Недоспасів. Слушайте усі! Шикуйсь! Струнко! Рівняння на мене! Кроком руш!⁴

И хор усатых «хвопців», встряхивая чубами, лихо закидывая сапог за сапог, потрясая в воздухе шматками розового сала со слезой, печатает шаг по Минной стенке, к «Гетьма-

¹ Здравствуйте, товарищи! (тат.)

² Привет! (чешск.)

³ Слушайте, дети, я расскажу вам большую сказку о великой битве и о том, как не надо тонуть в море! (укр.)

⁴ Слушай, Кир Гущинский, а также Олекса Недоспасов! Слушайте все! Равняйся! Смирно! Равнение на меня! Шагом марш! (укр.)

ну Сагайдачному», который когда-то был «Адмиралом Октябрьским». В ВМС Украины на четыре корабля восемь адмиралов. Корабль управления носит на себе ледовый пояс – это в Крыму-то!

Игорь Шебаршин получил орден Красной Звезды за то, что в Северном море на сторожевом корабле «Галантный» двадцать минут затыкал пробойну собственным телом, а точнее той его частью, на которой сижу я в период писательской течки. Ау, Игорь, как твой ревматоидный артрит?

Мишку Шелобнёва вчистую выгнали с флота старлеем, сняв одну звезду за то, что его матрос прыгнул с БМТ в Босфор. Матроса застрелили в воде из АКМ свои же вахтенные с красными повязками на рукавах. Турки, нарезая кольца на катерах береговой охраны вокруг нашего отряда, махали кулаками, воздевали очи горе, подобрали труп и, говорят, похоронили его с воинскими почестями, как борца за демократию. Наслушался «голосов», сукин сын!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.